Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобочевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 150–156.

5. *Фабер В.О.* Проблема неопределенности в структуре философского знания: Онтологический, гносеологический, антропологический аспекты: дис. … канд. филос. наук. Саратов, 2004.

6. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.

7. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1991.

**Z. Shakhin, A.M. Abidulin**
**The Origin of Feminist Ideology in Female Classical Literature of Turkey**

Creativity of the first poetesses of the Turkish classical literature is considered. The authors demonstrate how through art women defended their right to creativity and participation in the formation of the new east culture. The origin of the feminist ideology in female classical literature of Turkey is analyzed.

*Key words and word-combinations:* the Turkish classical literature, poetesses, feminism, ideology, the role of a woman in cultural life in the East.

Рассматривается творчество первых поэтесс турецкой классической литературы. Авторами показано, как через искусство женщины отстояли свое право на творчество и участие в формировании новой восточной культуры. Анализируется зарождение феминистической идеологии в женской классической литературе Турции.

*Ключевые слова и словосочетания:* турецкая классическая литература, поэтессы, феминизм, идеология, роль женщины в культурной жизни на Востоке.

УДК 821(4).09
ББК 83.3(4)

*З. Шахин, А.М. Абидулин*

# ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ТУРЦИИ

Эпоха формирования могущественной Османской империи сопровождалась процессом централизации власти. Заботясь об идеологическом укреплении власти, феодалы начали собирать при своих дворах ученых и поэтов, предопределяя таким образом отчасти и панегирический характер произведений последних. Принимая за эталон образцы арабской и персидской литературы, турецкая придворная поэзия того времени большей частью состояла из стихов, воспевавших достоинства правителей, и поэтических произведений религиозно-философского характера, отражающих идеологию либо ортодоксального ислама, либо суфизма. В то же время «в турецкой поэзии звучали стихи, прославляющие счастье любви, радость жизни, восторг перед красотой и совершенством природы. Авторы этих стихов порой доходили до пренебрежения догмами ислама и его моральными предписаниями. Такие стихи были

проявлениями вольнодумства, дерзким вызовом духовенству и власть имущим» [1]. Именно к представителям этой «еретической» струи можно отнести и поэтесс, которые стали первыми в отстаивании своего права на существование в «мужском» культурном пространстве, нарушая тем самым все рамки строгих границ дозволенного женщинам.

«Путь к становлению поэта в османской поэзии пролегал через принятие роли ашуга (ашыка) — народного певца-поэта, что делало невозможным участие в поэзии женщин. Будучи предметом чувственной любви, женщина изначально оказывалась вне творческого процесса. Женщина в литературе во все времена была объектом, но никак не субъектом любви» [2]. Устои консервативного общества диктовали свои права и обязанности поведения женщин в литературе и искусстве. В османской литературе женщина имела право на любовь, но любовь исключительно божественную, никак не земную. Открытое же объявление своих земных чувств было просто недопустимым и расценивалось как верх неприличия. «В обществе, где главной добродетелью женщины признается ее “умение не дать повода говорить о себе”, заявлять о своей любви, боли, надежде, выставляя на показ свои моральные переживания и давая повод к публичному обсуждению себя, пусть даже в поэтической форме, было недопустимо» [3].

Как мировая, так и турецкая литература того времени были строго подчинены законам мужской цензуры внутри культурного пространства, построенного по мужским законам. Литература являлась «идеологической индустрией, формирующей людей обоих полов как продукт воспитания в мужской системе ценностей и обстоятельств выживания в ней» [4]. Именно эти обстоятельства выживания в строго консервативном обществе ставили женщин, желавших и вынужденных в силу своего таланта посвятить себя поэзии, перед выбором: останется ли их поэзия в рамках «классического мужского мироощущения» либо благодаря женской чувственности будет заранее обречена на неприятие. Так, Маркоч в своем тематическом исследовании отмечает: «...Турецкие поэтессы вынуждены были творить в рамках очерченных мужчинами-поэтами общих эстетических форм, выражений и содержания, поэтому женская любовная лирика была обличена в мужскую форму и не отражала женского начала» [5]. Развивает эту тему высказывание Палы о творчестве турецких классических поэтесс: «Их поэзия была лишена женской чувствительности и интровертной беззаботной мечтательности» [6]. Эти высказывания отчасти справедливы, так как часто в произведениях первых османских поэтесс присутствуют нотки чисто мужского мировосприятия. Примером могут послужить бейты (минимальная строфическая единица персидской и тюркской поэзии. — *Ред.*) газели одной из первых диванных поэтесс Зейнеп (?—1474):

Открой лицо и все вокруг ты красотою озари,
И бренную землю в светлый рай преврати.
Пусть губ твоих движенье заставит задрожать источник рая,
И все вокруг благоуханием распущенных волос своих наполни [2].

Другим примером могут стать отрывки из газелей Михри-Хатун (?—1512), которые оставляют впечатление, что повествование ведется от лица мужчины.

В цветнике красоты твой лик — это свежая роза,
А родинка твоя, словно капля росы на лепестке розы [7].

Мотивы так называемого «подражания» мужской поэзии довольно очевидны. «Подражание» было предопределено жанром наиболее популярной поэтической формы того времени — газели. Этимология слова «газель» задала тематику данной, строго регламентированной как по содержанию, так и по очертанию, поэтической форме — воспеванию женщины, изначально предполагавшему пересказ мужских ощущений и чувств. Восточная созерцательная философия, в которой развивалась турецкая классическая литература, предполагала строгое подчинение установленным литературным правилам, и было бы справедливым предположить, что мужские оттенки в женской поэзии были не подражанием, а соблюдением содержания и формы самих газелей, иначе как можно объяснить частое использование в финальных бейтах газелей тахаллусов (псевдонимов. — *Ред.*), в которых открыто заявлялось авторство.

В какую бы форму ни были обличены произведения первых османских поэтесс — это были очень смелые шаги на пути к духовной свободе. Возможно, самым ярким представителем отстаивания своего права на самовыражение стала Михри. «Лирика Михри — это гимн всепобеждающей силе земной любви» [7]. «Османская Сапфо» была талантлива и красива. Ее стихи были наполнены страстным выражением любви, любви ко всему, как единственным смыслом жизни:

Без тебя, о кумир, моему телу эта душа его не нужна.
Ведь ты моя душа, а моя мне и на миг не нужна [1].

Не меньше чувственности и желания душевной свободы в газели поэтессы Лейлы (?—1847):

Любви с влюбленными быть рядом трудно,
Любовь, как Пери дикая, и к людям ей привыкнуть трудно.
Пусть не обманут сердце ее увещеванья встречи,
Ведь после горе, боль и муки пережить так трудно.
И отстрани меня, лишь явится соперник,
Мне выжить в этой боли будет трудно.
Урок любви мне нужен, а не наставленья,
Беседы набожного скупы и поддержать их трудно [8].

И можно лишь представить, какую бурю негодования вызывали эти строки у благочестивого Османского двора, в какую ярость они приводили ханжей, каким нападкам и обвинениям подвергались эти женщины, посмевшие открыто заявить о своих чувствах и желаниях! Эти слова звучали громом в небе правоверного османского общества. И, как бы уже смирившись с клеймом непристойности, в отчаянии они бросают еще больший вызов аскетическим запретам, прославляя радость винопития и земных услад. Поэтесса Лейла:

Собирай гостей, и пусть, что хотят, говорят.
Наслаждайся вином с любимыми, и пусть, что хотят, говорят [2].

Строки Шереф-Ханым (1809—1876) как будто перекликаются со словами Лейлы:

Не внимай в этом мире крикливым врагам.
Наслаждайся мирскими усладами, и пусть, что хотят, говорят [2].

Безусловно, поэзия первых османских поэтесс состояла не только из «песен любви», хотя это и являлось основной темой их творчества. Поэтесс интересовало все: и общие устои мира, и порядки в нем. Не меньше беспокоили их и проблемы неравенства. Так, Михри-Хатун писала:

...Одного Ты (Аллах) сделал всегда творящим молитвы.
Другому кабак его обиталищем сделал.
Одному ты лица красоту даровал,
Другого безумным от любви ты сотворил.
Одного ты сделал стенающим влюбленным,
Другого — жестоким возлюбленным.
Одного ты в разлуке заставил стенать,
Другому ты радость свидания дал.
Одному уготовил навечно ложе из кости слоновой,
Другой за свой труд не находит циновки... [1].

Сложным был путь женщин, пытавшихся отстоять свое присутствие в искусстве и культуре того времени. Их творчеству сопутствовало не только общественное непонимание, но и неприятие коллег.

Женщины — представительницы классической турецкой литературы были великолепно образованы. Большинство из них в совершенстве владели персидским и арабским языками, им были знакомы лучшие произведения поэтов того времени. Известно, что газель Михри с редифом (одно или несколько слов, повторяющиеся в конце стихотворной строки после рифмы. — *Ред.*)منوهذ دود является назире («ответ» поэта на произведение [поэму] другого поэта. — *Ред.*) на стихи Неджати (турецкий лирик, наиболее яркий представитель второй половины феодально-средневекового литературного периода. — *Ред.*). Поэтесса высоко ценила и восторгалась его творчеством. Однако есть предположение, что Неджати не очень одобрительно относился к ее восторженному поклонению и высказал однажды свое отношение в довольно резких стихах, правда, не назвав имени поэтессы:

О ты, слагающая назире в подражание моим стихам,
Смотри не переступай порога приличия.
Не говори: «Вот, по размеру и рифме
Мои стихи близки Неджати».
Хотя и по три буквы (согласных) в обоих словах.
Но разве «стыд» и «знание» могут значить одно?! [1].

Но если человек и способен пережить неприятие коллег, общественное непонимание, то осуждение семьи ранит порой тяжело. Так, известно, что одна из первых классических поэтесс Зейнеп-Хатун, чья поэзия была высоко оценена Султаном Фатихом Мехметом, после замужества с Исхаком Фехми Челеби, смирившись с давлением со стороны мужа, не только перестала посещать литературные беседы, но и оставила всякую литературную деятельность [8, 5]. Подобную историю пережила и поэтесса Фытнат-Ханым. Жесточайшие запреты мужа на чтение и письмо, яростные приступы ревности, доходившие до безумства в виде обрезания ресниц и запретов красиво одеваться, вынудили ее

расстаться с мужем [9, 5]. Поэтесса Лейла в день свадьбы, услышав негативные отзывы мужа о ее творчестве, охладеет к нему и расстанется с ним уже через неделю [8, 5]. Фатма Ани Ханым (?—1701) подвергнется унизительной критике со стороны гостей в своем же собственном доме [2]. Поэтесса Нигяр (1862—1918) после оскорбительной оценки ее стихов, вырвав из рук оскорбителя рукопись, разорвет ее и бросит ему в лицо [2]. Фериде-Ханым (1837—1903) ответит на запреты и негативное отношение матери к ее стихам обличающим в непонимании скорбным бейтом:

Скажи мне, разве может мать так ругать свою дочь?
Ей Богу, не видел свет такого поругания дочери [5].

Не находя понимания ни в обществе, ни в семье, поэтессы в своем стремлении к внутреннему совершенству и духовной свободе часто искали истину в суфийских братствах и орденах. Так, «Шереф-Ханым и Лейла-Ханым были посвящены в орден дервишей Мевлеви, Рахиле Сырры-Ханым из Диярбакыра (1814—1877) — орден Кадирии, дочь Султана II Махмуда Адиле Султан (1826—1899) — орден дервишей Накшибенди» [10]. Творчество поэтесс классической диванной литературы — это не революционная борьба за номинальное присутствие в литературе, а в первую очередь поиск морально-этических норм и способов глубокого осознания смысла жизни и истины, посредством достижения равновесия между духовной, физической и ментальной жизнями. Их поэзия — результат духовных поисков и понимания того, что только при достижении равновесия во всех составляющих жизни возможна полноценность мирского существования, обретения счастья и свободы духа.

К сожалению, список поэтесс, открывших женскую страницу в классической турецкой литературе, не так уж велик. На основе исследований Ураза [9], Испирли [2], Арслана [8], а также письменных источников, дошедших до наших дней, можно утверждать, что за шесть веков существования Османской империи только около пятидесяти женщин вошли в историю классической диванной литературы. И пусть их творчество, не отличаясь большим разнообразием поэтических форм, чаще было представлено газелями и касыдами (твердая поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. — *Ред.*), песни их звучали как «гимн торжествующего чувства свободы, восставшего против аскетических запретов».

Любая философская мысль развивается в контексте национальной культуры и является результатом господствующих в ней идей. И если для западной феминистической идеи характерно «равенство полов», то восточная феминистическая идея основывается прежде всего на «равенстве в различии». Восточный феминизм — иной, глубоко экстравертный способ мировосприятия, основанный на любви к ближнему, заботе, понимании его. Здесь гармония и полноценность достигаются посредством культивирования этики заботы, внимания и всеобъемлющей любви. В восточном феминизме присутствует понимание того, что индивидуальная этика непременно приведет к отчуждению людей, а «различие» женщины в ее способности к «объединяющей любви» ко всему живому, в первую очередь к человеку как вершине

божественного творения. Западный же феминизм имеет в своей основе интровертную направленность, где главенствует культивирование личностно ориентированных качеств человека. Именно эти постулаты и определяют способы достижений феминистических идей: созерцательно-гуманистическую направленность в восточном феминизме и экспрессивно-демократическую в западном.

Отражение мира в искусстве слова через призму женского восприятия в средневековой Турции стало уделом немногих, но очень смелых женщин, подвергавшихся и общественному осуждению, и порицанию, и преследованию. Часто расплатой за желание самовыражения была трагедия в личной жизни, но благодаря неподражаемому бесстрашию и, безусловно, величайшему поэтическому таланту турецкие женщины-поэтессы обрели свое место в классической литературе, отстояв право на творчество и, самое главное, на участие в формировании новой восточной культуры. Возможно, их поэзия не отличалась большой выразительностью, но она была искренна. Трудно не восхищаться духом и светом сердец этих великих женщин, нашедших в себе силы, противостоя преградам и преодолевая их, открыто заявить миру о своем праве на любовь, понимание и самовыражение. Турецкие поэтессы классического жанра сумели создать произведения, выдерживающие не только сравнения с произведениями своих великих современников поэтов-мужчин, но и проверку веками и многими поколениями истинных ценителей восточной классической поэзии. Именно через искусство женщины смогли добиться в Турции равноправного с мужчинами участия в общественной жизни. Конечно, процесс начала участия женщин в жизни государства занял долгое время, но именно Турция стала первой в мире восточной страной, где в начале XX в. женщины получили право избирать и быть избранными в парламент страны.

**Библиографический список**

1. *Михри-Хатун.* Диван / критич. текст и вступ. статья Е.И. Маштаковой. М., 1967.

2. *Serhan Alkan İspirli.* Osmanlı Kadının Şiiri // Türkoloji Araştırmaları [Poem of Ottoman Woman / Turkish Studies]. Fall. 2007. № 2/4. P. 445–454.

3. *Nazan Bekiroglu*. Osmanlıda Kadın Şairleri [Women Poets in Ottoman Empire]. Ankara, 1999.

4. *Арбатова М.* Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. 1995. № 3. С. 26–28.

5. *Yasemin Ertek Markoc*. Türk Klasik Edebiyatında Kadın Şairlere Bir Bakış // Celal Baydar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi [Look at Women Poets in Classical Turkish Literature / Celal Baydar Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi]. 2011. Vol. 9. № 2.

6. *İskender Pala*. Ashina Guzeller [Famous Beauties]. İstanbul, 1998.

7. *Боролина И.В.* Литература XIII–XIV в. Турецкая литература // История всемирной литературы. М., 1985. Т. 3.

8. *Mehmet Arslan*. Seref Hanim Divani [Divan of Seref Hanim]. İstanbul, 2002.

9. *Murat Uraz.* Kadin Sair ve Muharrirlerimiz [Our Women Poets and Writers]. İstanbul, 1941.

10. *Mujgan Cunbur, Neriman Saryal*. Turk Kadının Siiri [Poem of Turkish Woman]. Ankara, 1970.